

УДК 001(47)(09)
ББК 72.3(2)52-8Насыри К.

Наследие выдающегося татарского ученого-энциклопедиста Каюма Насыри в свете восточной и западной научной парадигмы

Р.Ф. Шафигуллина, А.Г. Хайрутдинов

Аннотация. Статья рассматривает специфику фондов татарской мусульманской литературы, большие объемы которой хранятся в библиотечном пространстве Евразии. Особенности этой литературы хорошо выражены в просветительском наследии выдающегося татарского ученого Каюма Насыри, представляющем собой яркий пример соединения восточной и западной научных парадигм и налаживания межкультурного диалога.

Ключевые слова: Каюм Насыри, татарское просветительство, коранистика, востоковедение, конкордансы Корана, татаро-мусульманская система образования, научная парадигма, межкультурный диалог, тюркология.

Российские библиотечные фонды содержат большие объемы восточной, в частности мусульманской литературы, написанной в том числе и татарскими учеными. Эти богатства призваны служить российскому народу, способствуя его культурному и интеллектуальному развитию. Научное наследие Каюма Насыри открывает доступ к пониманию особенностей, присущих памятникам татарской книжной культуры.

Выдающийся татарский просветитель, педагог, литератор, энциклопедист Каюм Насыри¹ (1825–1902) является ярчайшей фигурой своего времени. Ученый открыл новую эпоху в духовной жизни татар и заложил основы следующего этапа в истории татарского просветительства, гармонично соединив в нем прогрессивную мысль Запада с древней мудростью Востока. Этому человеку суждено было стать основоположником татарской науки Нового времени. Современный нидерландский исследователь истории татарской общественной мысли Михаэль Кемпер назвал его не иначе, как «центральной фигурой “секулярной” татарской науки» [1, с. 575].

Татарская культура начиная с VIII в. органично влилась в общий ход развития мусульманской цивилизации. При этом она всегда находилась в фокусной точке евразийских процессов взаимного обмена культурными, духовными ценностями между разными мирами, являя собой образец ярко выраженной интегрирующей культуры, которая, воспринимая внешнее, сохраняет свою сущность и индивидуальность. Именно в такой системе культурных ценностей и происходило формирование личности К. Насыри, его научных и творческих интере-

¹ Полная форма имени ученого: Габдулкаюм ибн мелла Габдуннасыр аш-Ширдани.

Раушания Фаиловна
Шафигуллина,
Музей Каюма Насыри,
филиал Национального музея
Республики Татарстан,
заведующая музеем,
кандидат филологических наук,
доцент

Айдар Гарифутдинович
Хайрутдинов,
Институт истории
им. Ш. Марджани
Академии наук Республики
Татарстан,
старший научный сотрудник,
кандидат философских наук,
доцент

сов, в которых отразились сложные перипетии истории татарского народа.

Действительно, с одной стороны, татарская культура — это плод могучего дерева, уходящего своими корнями в глубокую и великую тюркскую историю Евразии. Соки этого дерева изначально питали национальную культуру, определяли менталитет народа, его отношение к окружающему миру и к жизни. Благодаря этим особенностям своей истории татары сформировались как народ, который, начиная с самых

древних своих тюркских истоков, высоко почитал письменное слово и образованность, о чем, в частности, свидетельствуют древнетюркские рунические письменные памятники².

При этом следует обратить внимание на чрезвычайную для татарского социума значимость исламского компонента, в свое время удачно привитого к тюркскому дереву. С.А. Зенковски отмечал, что «мусульмане Азии и Восточной Европы чаще идентифицировали себя с религией и культурой ислама, чем с какими-либо этническими или расовыми группами» [2, с. 8]. В этом свете естественно, что все новое, входящее в жизнь татарского мусульманского социума, должно было иметь соответствующее религиозно-богословское обоснование.

Следует учитывать и наследственно-генетическую склонность татарских религиозных деятелей и просветителей к образованию, научному и литературному творчеству. Примерами тому являются биографии выдающихся татарских общественных деятелей: Габдерахима Утыз-Имяни (1754–1834), Габденнасыра Курсави (1776–1812), Шигабутдина Марджани (1818–1889); педагогов династии Хальфиных (Сагит Хальфин (1732–1785), Исхак Хальфин (ум.1800), Исмаил Хальфин (ум. Во 2-й пол. XVIII в.), Ибрагим Хальфин (1778–1829); Салихджана Кукляшева (1811–1864), Абдуллы Вагапова (1814–1876), братьев Хусаина (1821–1866) и Габдулгалляма (1850–1910) Фаизхановых; Мухаммад-Гали Махмудова (1824–1891) и др.

К. Насыри занимает достойное место в ряду перечисленных ученых мужей, что обусловлено историей его рода и жизненного пути.

Будущий просветитель появился на свет 2 (14) февраля 1825 г. в деревне Верхние Ширданы Свияжского уезда Казанской губернии (ныне Зеленодольский район Республики Татарстан, РТ). К. Насыри с гордостью писал, что его родная деревня была основана древними булгарами³ — предками казанских татар⁴. Сохранилось родословное дерево — *шаджара*, составленное самим ученым, из которого следует, что родоначальником этого старинного и уважаемого рода был казачий атаман Бираш-баба⁵, обосновавшийся на правом берегу реки Волги еще во времена Казанского ханства.

Сын Бираш-бабы Габдеразак-мелла⁶ служил московским правителям, был лично знаком с ними и сделал головокружительную по тем временам карьеру [3, с. 5–6]. Отдавая дань уважения памяти своего славного и знаменитого предка, К. Насыри иногда подписывался как «ар-Раззаки» (т. е. из рода Раззака).

² Древнетюркские рунические письменные памятники — артефакты VIII–X вв. н. э., в основном каменные стелы с текстами на тюркском языке, написанные руническим письмом (т. н. орхон-енисейская письменность).

³ Древние болгары — К. Насыри указывает на тот факт, что его родная деревня была основана выходцами из Великой Волжской Булгарии (IX–XIII вв.), — высококультурного мощного государства, располагавшегося в Среднем Поволжье и бассейне реки Камы.

⁴ Казанские татары — одна из основных этнических групп, составляющих татарский народ.

⁵ Баба — досл. с тюрк. отец, почтительное обращение к главе рода.

⁶ Мелла — знаток мусульманского ритуала, ученый-богослов, учитель, грамотный человек. Данное слово часто добавлялось к собственному имени человека, подчеркивая его социальный статус и род деятельности.

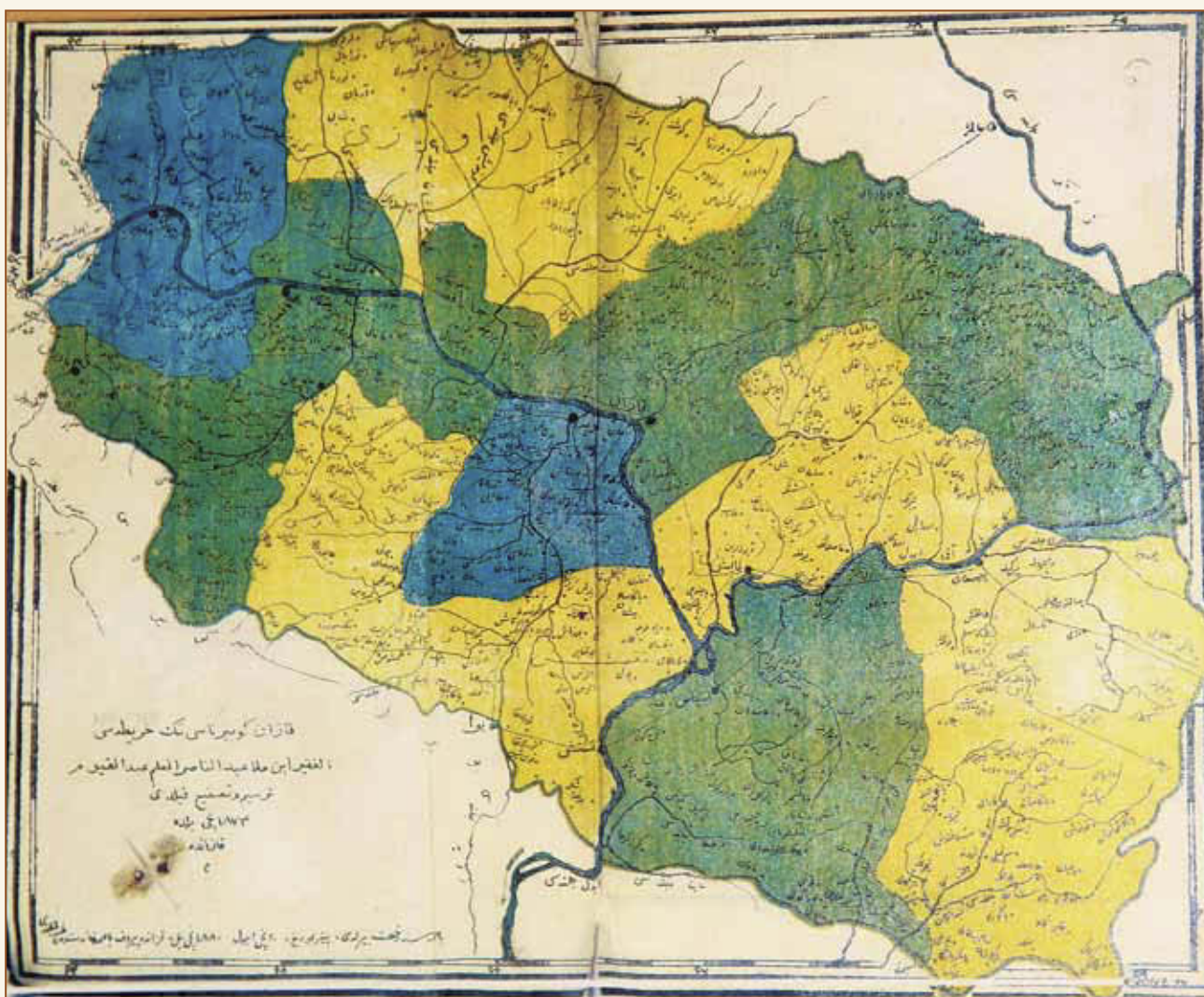

Родословное дерево-шаджара К. Насыри по отцовской линии, составленное самим ученым (печатн. копия 1880 г.; Национальный музей Республики Татарстан)

Дед Каюма — Хусейн бин Аль-Мухаммад — во второй половине XVIII — начале XIX в. исполнял обязанности имама в селе Верхние Ширданы. Помимо этого он занимался преподавательской и научной деятельностью, оставив после себя ряд рукописных трудов по арабскому синтаксису и грамматике. Среди них следует отметить такие учебники, как «Шарх-е Мелла» («Разъяснение к тафсиру Джалала-меллы»), «Мисбах» («Светоч»), «Сарф-и Хаваи» («Морфология Хаваи»), «Авамил» («Грамматическое управление»), пользовавшиеся большой популярностью у шакирдов того времени. Согласно воспоминаниям К. Насыри, его дед обладал искусным каллиграфическим почерком и в свою бытность переписал порядка сотни Коранов.

Отец К. Насыри Габденнасыр бин Хусейн обладал блестящими способностями и имел фундаментальные знания в области исламских наук, полученные в авторитетных центрах татарского мусульманского просвещения в Казани и Казанской губернии. Подобно своему отцу Хусейну, он достаточно плодотворно занимался теорией арабского языка и профессиональной перепиской восточных книг [4]. В частности, отец будущего ученого, вопреки поучениям мулл-традиционалистов о том, что эпоха иджитихада⁷ прошла, наставлял своих сыновей словами: «Иджтихад — нужное дело для каждого» [5, с. 13].

⁷ Иджтихад (араб.) — в широком смысле — усердие, старание, приложение максимума физических, интеллектуальных и душевных сил для достижения какой-либо благородной цели.

Карта Казанской губернии работы Каюма Насыри (фрагмент календаря К. Насыри за 1874 г.; Национальный музей Республики Татарстан)

Габденнасыр бин Хусейн не стремился к получению официального статуса имама (указного муллы⁸) и не стал проповедником. Вместо этого образованный и хорошо знавший русский язык Габденнасыр-мелла предпочел отдавать свои силы и время заботам о родном ауле и односельчанах. Как впоследствии писал К. Насыри: «сострадание к чужой беде, и множество добрых дел... снижали ему уважение и признательность народа, прозвавшего его “милосердным”» [6, с. 3].

Таким образом, на протяжении нескольких столетий предки Каюма Насыри являлись признанными лидерами местных мусульман, исполняя обязанности сельских старост и указных мулл.

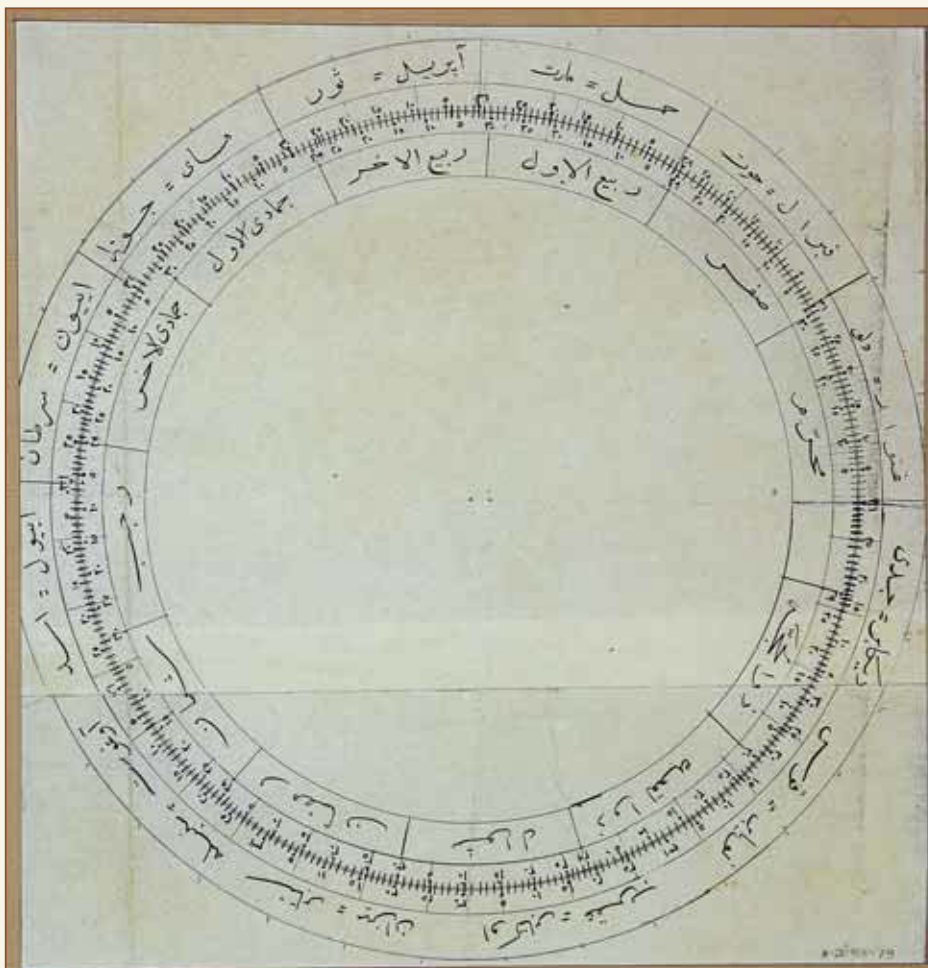
К. Насыри довелось жить в переломную для татарской культуры и мировоззрения эпоху, когда татары-мусульмане уже жили в культурной среде ориентированного на Запад русского государства. Сам К. Насыри отмечал, что его стремление к овладению русским языком было

⁸ Указной мулла — служитель мусульманского культа, получивший указ (лицензию), выдаваемую Оренбургским магометанским духовным собранием (ОМДС) на право исполнения религиозных обрядов во главе мусульманской махаллы (прихода) в среде российских мусульман.

обусловлено семейной традицией, а не только интересом к достижениям европейской культуры.

В тех условиях на татар оказывали сильнейшее влияние процессы, происходившие в российской экономике, культуре, мировоззрении, образовании и просвещении. Все это сподвигло прогрессивных татарских интеллектуалов к поиску новых путей развития нации во всех сферах жизни. Эти процессы нашли самое яркое отражение в научной и просветительской деятельности К. Насыри, которого исследователи его творчества называли не иначе, как «татарским Ломоносовым» [7, с. VI].

Нацеленная на достижение поставленных задач научная деятельность К. Насыри была многогранной и разноплановой, направленной на изучение различных аспектов мироздания, явлений природы и жизнедеятельности человека и человеческого сообщества. Он занимался различными отраслями науки: математикой, геометрией, астрономией, химией, физикой, медициной, географией, историей, этнографией и фольклористикой, картографией, этикой, эстетикой, ботаникой, эпитафикой, агрономией, музыкой, лингвистикой, литературой, переводами, генеалогией и т. д.

Универсальный календарь для прямой и обратной конвертации дат григорианского и мусульманского календаря (посл. четв. XIX в.; Национальный музей Республики Татарстан)

Результаты деятельности ученого в перечисленных отраслях науки нашли отражение в его многочисленных трудах и публикациях по различным аспектам теоретических и прикладных знаний. При жизни ученого было издано более сорока научных трудов. К этому следует добавить настольные календари, которые он составлял и издавал на протяжении четверти века (с 1871 по 1897 г.). Каждый такой календарь представляет собой образец популяризации научных знаний. По большому счету, издание ежегодных научно-популярных альманахов-календарей заложило основы татарской периодики, потребностей в которой К. Насыри осознавал особенно остро. Для удовлетворения этой потребности он в 1860-е гг. одним из первых разработал и пытался реализовать проект национальной газеты.

Одним из направлений научной работы Каюма Насыри являлось его активное участие в деятельности «Общества археологии, истории и этнографии» при Императорском Казанском университете, в составе которого работали выдающиеся российские историки, ориенталисты и тюркологи. Сам по себе данный факт поразителен и до сих пор не оценен должным образом. Если подумать, К. Насыри был одним из числа нескольких татарских интеллектуалов-мусульман, которые имели смелость презентовать себя в качестве ученых, влиться в

иную, даже чуждую культурно-интеллектуальную среду, представившую русскими учеными, и завоевать признание с их стороны. Иными словами, К. Насыри совершил научный и личностный подвиг, поднявшись на уровень светил российской науки и снискав признание и уважение в их рядах.

Действительно, исследования К. Насыри были оценены не только казанскими учеными, но и их коллегами: помимо типографии Императорского Казанского университета, труды К. Насыри печатались в научном вестнике «Императорского Российского Географического Общества», а также в частных типографиях Казани и Оренбурга.

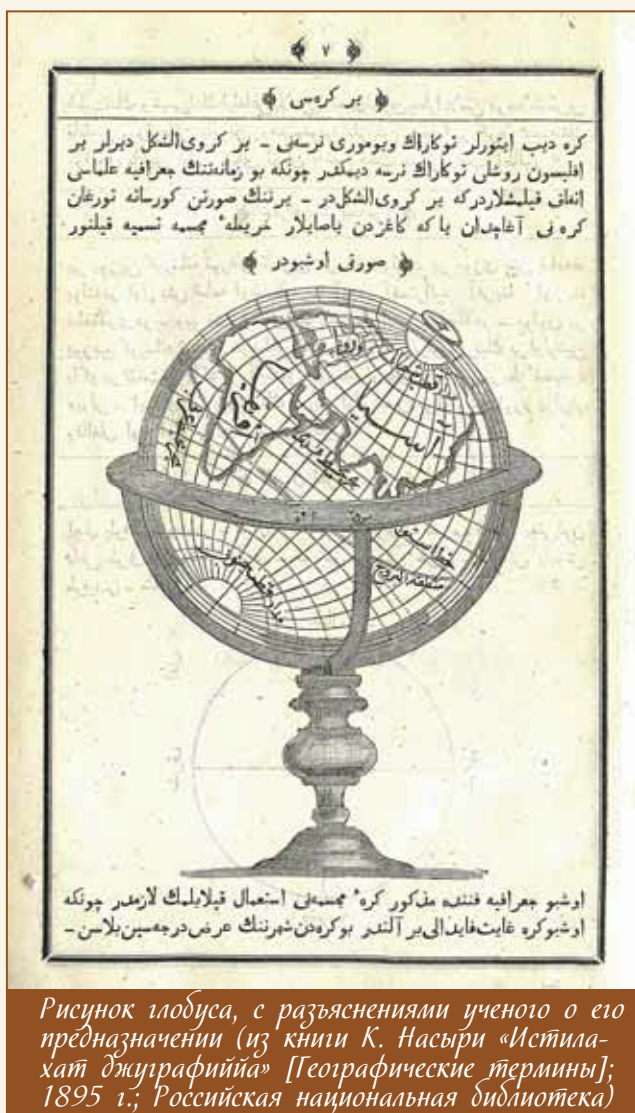
Известные ученые-современники К. Насыри дали высокую оценку вкладу татарского ученого в тюркологию. Так, профессор Санкт-Петербургского университета В.В. Григорьев во вступительном слове к книге К. Насыри «Поверья и обряды казанских татар» писал: «Такого наблюдателя из Татар-магометан, каким является в труде своем Г. Насыров, не бывало еще у нас, да быть

может, и во всем мусульманском мире. Это первый из наших мусульман, которого европейское образование, полученное им в Казанском университете, подняло, в умственном отношении на такую высоту, что он смог отнестись к исламу объективно. Довольно близко зная Татар, я не предполагал даже возможности подобного явления» [8, с. 1–2].

Профессор Императорского Казанского университета Н.Ф. Катанов писал: «Г. Насыров впервые представил столько пословиц и песен, сколько не представляли прежние собиратели памятников народного творчества казанских татар. Представленные Г. Насыровым материалы вполне доказывают, что он хорошо знаком с бытом и языком своего народа, среди которого он провел всю жизнь, изучая его во всех отношениях» [9, с. 375].

Профессор Санкт-Петербургского Императорского университета В.Д. Смирнов, говоря о серии ежегодных календарей, составляемых и издаваемых Каюмом Насыри, отметил важность наличия в них «разных статей общепольного содержания», а появление из-под пера татарского ученого учебников по географии и арабской грамматике назвал «отрадным событием» [10, с. 195, 201].

Стремление Каюма Насыри к освоению прогрессивных идей западной науки проявлялось и в том, что он активно внедрял свои научные достижения в практику,

используя их в ремеслах: так, изучив законы электричества, он проводил опыты по серебрению и золочению путем гальванизации; изготавливал зеркала; слесарничал; с огромным вдохновением занимался столярным и переплетным делом; мастерил музыкальные инструменты. Часто ученый сам иллюстрировал свои издания, он хорошо чертил и рисовал, мастерски владел искусством арабской каллиграфии. Будучи великолепным картографом, он составил десятки карт, часть которых (например, карты Восточного полушария, Европейской части России, Казанской губернии, ориентации мечетей Евразии на Мекку и др.) были опубликованы в его календарях.

Все перечисленное показывает, что татарский ученый был пионером в невероятно трудном деле — налаживании межкультурных мостов между Востоком и Западом, которое Каюм Насыри осуществлял, с одной стороны, с целью ознакомления татарского мира с прогрессивными достижениями русской культуры и западного мира, а с другой — с целью познакомить мир русской интеллигенции с богатством и многогранностью татарской культуры.

Ученый сделал первые успешные шаги в деле интеграции татарской науки в официальную российскую научную среду. Благодаря трудам К. Насыри русская наука узнала о существовании самобытной та-

тарской культуры, познакомилась с богатейшей национальной историей, ценными сведениями по этнографии, эпитафике, фольклору, краеведению, лингвистике и т. д. По сути, ученый привил русскому научному сообществу интерес к татарской культуре, доказав, что она представляет собой уникальную вселенную. Трудно перечислить всех именитых российских ученых, с которыми К. Насыри поддерживал научные связи и дружеские отношения. Назовем лишь некоторые из них: И.Ф. Готвальд, В.В. Григорьев, Н.И. Ильминский, Н.Ф. Катанов, О.С. Лебедева, П.А. Поляков, В.В. Радлов, Г.С. Саблуков, Н.А. Фирсов, Я.И. Фортунатов, А.Д. Ясницкий и др.

В деле служения прогрессу нации и претворения новых идей в жизнь татарский просветитель был вынужден преодолевать множество преград: он стойко отражал нападки консервативно настроенного духовенства и терпел безучастное, а иногда враждебное отношение государственных структур к своим социально-образовательным проектам⁹. Автобиографический очерк К. Насыри, написанный им осенью 1876 г., свидетельствует о том, что он по-философски относился к трудностям и преградам: «Так уж повелось, что в каждом деле кто-то начинает первый, и на его долю не выпадает ничего, кроме ругани. Общеизвестна, например, участь Колумба, Гутенберга и других. Важность их открытий люди оценили лишь в наши дни» [6, с. 6].

Выше говорилось об активном освоении К. Насыри прогрессивных западных научных технологий и методологии и привитии их к ориентированной на восток татарской культуре. С другой стороны, величайшим достижением К. Насыри стало создание им науки, образования и педагогики, функционирующих на татарском языке, что было особенно трудной задачей на фоне многовекового доминирования в этих сферах арабского и персидского языков. Это стало возможным благодаря новой концепции национального образования и педагогики, которую создал К. Насыри. По замыслу ученого, упомянутые социальные институты становились областью активного и плодотворного использования методологических и исследовательских традиций западной научной парадигмы на фоне сохранения национального и духовного содержания.

Отдельно следует сказать о работе ученого в области национальной педагогики, которая представляет собой одно из важнейших направлений в деятельности К. Насыри. По завершении обучения в медресе в 1855 г. он был приглашен на преподавательскую работу в Казанскую Духовную семинарию (КазДС). Ему было вверено преподавание татарского языка — курса, введенного в программу учебного заведения еще в 1818 году. Именно здесь началась не только педагогическая, но и научная деятельность молодого татарского интеллектуала. В стенах этого учреждения он близко познакомился с прогрессивными образовательными технологиями и методиками, используемыми в системе российского и европейского просвещения. В дальнейшем эти методики были внедрены ученым в теорию и практику татарского образования, отразившись в таких его трудах, как: «Татарская грамматика», «Анмузадж» («Образец грамматики»), «Каваид лисан араб» («Правила арабского языка») и др.

⁹ В 1871 г. К. Насыри открыл в Казани начальную школу для татар с преподаванием русского языка. Однако вследствие разногласий с инспектором мусульманских школ Казанского учебного округа — В.В. Радловым в 1876 г. вынужден был закрыть школу.

Поскольку именно религия определяла основы мировоззрения и менталитета татар, К. Насыри активно привлекал к делу народного просвещения и религиозный аспект татарского бытия, для него как «продолжателя династии известных богословов проблемы исламоведения, мусульманского богословия и коранистики всегда имели большое значение» [11, с. 32].

Религиозные и художественные произведения, учебные пособия, написанные рукой К. Насыри, составлены в соответствии с требованиями мусульманской книжной традиции как по форме, так и по содержанию. Из таковых следует назвать такие сочинения, как: «Мухтасар таварих анбия»

(Краткая история пророков, 1884); «Маджма' ал-ахбар» (Сборник преданий по истории ислама, 1891); «Акаид исламия» (Исламское вероубеждение, 1895); «Китаб ат-тарбия» (Книга о воспитании, 1891); «Ахляк рисалясэ» (Трактат о нравственности, 1884), «Гильме хандэсэ» (Геометрия, 1895); «Джаграфия кабир» в 3-х частях (Большая география, 1894—1899); «Гульзэр вэ чэманзар» (Цветники и травы, 1894); «Гильме зирагаты» (Наука о земледелии, 1892); «Санайгъ голфания» (Искусство гальванизации, 1900) и др.

Однако К. Насыри осознавал, что в татаро-мусульманской образовательной системе накопились серьезные проблемы, оказывающие негативное влияние на нравственное, интеллектуальное и духовное состояние народа. В «Книге о воспитании» ученый с горечью пишет о том, что образовательный курс сводится к чтению примитивных рассказов: «“История о худом джинне и толстом джинне” — это ничто иное, кроме как прожигание впустую драгоценной жизни детей» [12, с. 69]. Обращая внимание читателей на абсурдные моменты, имеющиеся в широко распространенной книге «Фазаил аш-шухур», он задает вопрос: «Какая польза для ребенка в поучениях о том, что грешников будут подвешивать к потолочным балкам ада? Почему вы не задумаетесь о таких вещах? Вы считаете это знанием и говорите: “О! Вот ведь какие вещи узнал мой сынок в медресе!” У ада, оказывается, есть переклады! Из железа? Коль так, то они расплавятся. Из дерева? Если из дерева, то сгорят! Почему у вас не хватает ума понять это?» [12, с. 69].

В своем стремлении исправить сложившуюся ситуацию К. Насыри выступает как прогрессивный мыслитель и при этом не перестает быть глубоко религиозным человеком, богословом, знатоком ислама и коранических наук («*улюм аль-Кур'ан*»). В своих трудах по исламскому богословию, а также в религиозно-художественных произведениях, посвященных проблемам воспитания, этики и реабилитации свободы разума, он знакомил читателей с высокими этическими и гуманистическими ценностями ислама. Даже художе-

Разворот рукописи «Мифтах аль-Кур'ан» (1886 г.; Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета)

ственно-литературные произведения, посвященные воспеванию высокой роли разума и свободомыслия, и учебно-методические труды К. Насыри были, тем не менее, выстроены на идейно-содержательной основе постулатов Корана и духовно-нравственных канонах ислама. Ученый воплотил на практике рационалистический дух ислама, доказывая, что это учение в первую очередь обращено к высокому разуму, мыслительным способностям и духовным потенциям человека. Одного только конкорданса Корана хватило бы для того, чтобы признать его автора «не только одним из самых выдающихся татарских ученых, но и великим представителем мировой мусульманской науки» [13, с. 72].

К. Насыри был одним из тех татарских ученых, наследие которых изучалось и в советский период истории России. Однако в силу доминирования в советском пространстве атеистической идеологии о религиозно-богословской деятельности ученого не принято было говорить, хотя, как уже стало очевидным из сказанного выше, в ней К. Насыри также оставил выдающийся след. Свидетельства плодотворной деятельности ученого в сфере исламских наук мы обнаруживаем и в наши дни при работе с его архивами и рукописными трудами.

В качестве примера можно привести уникальную находку — рукописный труд К. Насыри под названием «Мифтах аль-Кур'ан» («Ключ к Корану»), представляющий собой непревзойденный словарь-конкорданс коранических изречений. Работа ученого над конкордансом, вобравшим в себя около 46 200 коранических изречений, продолжалась четыре года и была завершена 13 декабря 1886 года. В течение 130 лет труд пребывал в забвении и наконец в 2015 г., к 190-летию со дня рождения его автора, он был издан [14] и введен в научный оборот¹⁰.

¹⁰ Авторам (Шафигуллина Р.Ф., Хайрутдинов А.Г.) настоящей статьи было суждено обнаружить, изучить, подготовить и издать этот уникальный труд в виде двухтомного факсимильного издания, которое увидело свет благодаря спонсорской помощи М.А. Бахтиярова.

Уже сразу же после обнаружения рукописи¹¹ стал очевидным тот факт, что мы имеем дело с уникальной и единственной в своем роде работой, подлинную ценность и значимость которой еще только предстоит установить. «Мифтах аль-Кур'ан» представляет собой результат умелого сочетания и применения ученым передовой западной методологии к восточному материалу, являя собой образец синтеза двух научных парадигм. Несмотря на то что конкорданс не был издан ученым в виде книги, он занимает совершенно особое место в целом цикле фундаментальных трудов ученого в области лексикографии и свидетельствует об отличном знании автором Корана и классического арабского языка.

Сам автор оценил «Мифтах аль-Кур'ан» как плод своего наивысшего усердия в науке, написав в предисловии к своему труду следующие слова: «Это — вершина моего иджтихада» [15, с. 37]. Охарактеризовав «Мифтах аль-Кур'ан» как «указатель аятов Корана», автор отметил его уникальность и высокое предназначение: «Знатоки признают, что такого рода книги прежде не было. Можно оценить и такой момент: как я полагаю, этот труд позволит каждому читателю Корана или тафсира ощутить себя достигшим уровня Коран-хафиза¹²» [15, с. 37].

«Мифтах аль-Кур'ан» К. Насыри представляет собой, с одной стороны, первый в исламском мире словарь-конкорданс сверхсловных единиц Корана, а с другой — он является уникальным трудом в свете методологических традиций западного корановедения. Таким образом, К. Насыри удалось на практике создать и использовать удивительную методологическую модель «восточного — в западном, и западного — в восточном», никогда не существовавшую в чистом виде ни в мусульманском, ни в западном корановедении. Разработанная К. Насыри методология и принципы исследования Корана представляют настоящую методологическую революцию в истории мировой коранистики [16].

Труд К. Насыри принципиально отличается от конкордансов Корана, чуть раньше появившихся на Западе и в России. Первый конкорданс Корана «Concordantiae Corani Arabicae» был составлен известным немецким ориенталистом Густавом Леберехт Флюгелем (1802—1870) и увидел свет в 1842 г. в Германии. Второй подобный труд: «Полный конкорданс Корана, или ключ ко всем словам и выражениям его текстов, для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги» составил и в 1859 г. издал знаменитый российский востоковед А.К. Казем-бек (1802—1870).

К. Насыри собрал в своем труде лексическо-семантические единицы Корана, поскольку он воспринимал его прежде всего как божье послание, состоящее из неделимых семантических элементов. В итоге благодаря методологии, учитывающей философское содержание Корана, появился единственный в своем роде словарь коранических образов. В таком виде конкорданс служит не только указателем для поиска в Коране определенных изречений. Поскольку «Мифтах аль-Кур'ан» — это структурированный в алфавитном порядке свод коранической мудрости, то он явля-

ется своеобразным ключом, открывающим возможность прикоснуться к фундаментальному смысловому стержню Корана, всевозможные оттенки значения коего отражены в десятках тысяч изречений. Отсюда становится понятным и смысл названия, данного К. Насыри своему труду, которое переводится как «Ключ к Корану».

Для примера приведем один из элементов конкорданса — фразу: *Аллах нур ас-самавати ва аль-ард* (*Аллах — Свет небес и земли*). Если вдуматься, то значение этой фразы неделимо, поскольку все слова в ней связаны единым глубинным смыслом, благодаря чему читатель понимает, что не существует абстрактного понятия «свет» или «мироздание», и что мир существует и наполнен светом благодаря Создателю.

Методология западных конкордансов не учитывала подобных нюансов. Упомянутые выше представители европейской школы коранистики, следуя традициям западной научной парадигмы, механически разбирали Коран на отдельные, не связанные между собой слова и частицы. Работая, например, с конкордансом Г.Л. Флюгеля, читатель не обнаружит в числе его составных элементов выражение: *Аллах — Свет небес и земли*. Он будет иметь дело с отдельными лексемами: *Аллах, свет, небеса и земля*. Таким образом, философский смысл, присущий упомянутому выражению, останется для читателя недоступным. Иными словами, для К. Насыри наименьшим неделимым элементом Корана были его изречения, тогда как западные ученые в качестве таковых воспринимали отдельные коранические слова и даже частицы.

Особенностью конкорданса «Мифтах аль-Кур'ан», о которой нельзя не сказать, является способ адресации в Коране того или иного коранического изречения. В ходе исследования рукописи было установлено, что автор указывал не номера аятов, а номера страниц типографского издания Корана, на которых они находились. Казань была первой в типографском тиражировании печатного Корана, отвечающего требованиям шариата. Идея составления конкорданса на основе типографского издания Корана¹³ возникла, когда К. Насыри осознал перспективы, открываемые постраничной пагинацией.

Однако в процессе изучения рукописи возник вопрос: по какой причине ученый проигнорировал общепринятый способ обозначения позиции того или иного изречения, когда указывается название главы (суры) Корана (или ее порядковый номер), а затем номер того или иного аята в ней? Ведь пагинация, взятая ученым за основу адресации изречений, может изменяться в каждом новом издании Священного писания.

Поиск ответа привел авторов статьи к небольшому открытию: оказалось, что привычный в настоящее время способ работы с Кораном ранее не был известен на мусульманском Востоке: мусульмане всего мира, издревле пользовавшиеся только рукописными копиями Корана, никогда не нумеровали ни суры, ни аяты, ни даже страницы драгоценных манускриптов. Отсутствие нумерации сур и аятов, в качестве дани этой традиции,

¹³ Было установлено, что К. Насыри составил свой конкорданс на основе типографского издания Корана, изданного в типографии Императорского Казанского университета в 1861 году. Выяснилось также, что в упомянутом издании Корана его главы и аяты не были пронумерованы. Аяты разделены специальным значком-розеткой без какого-либо намека на их нумерацию в типографском исполнении. Таким образом, издатели хотя и отдали дань канонической традиции, но как новшество ввели постраничную пагинацию.

¹¹ Упомянутая рукопись была обнаружена благодаря короткой заметке в статье татарского советского исследователя и литературоведа Мухаммада Гали, который по крупницам собирал информацию о рукописном наследии К. Насыри [16, с. 120].

¹² Коран-хафиз — мусульманин, знающий Коран наизусть.

характерно также и для упомянутого выше издания Корана 1861 года. Так, в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского федерального университета авторами был обнаружен один из экземпляров Корана 1861 г. издания, некогда принадлежавший собранию восточных книг И.Ф. Готвальда. Известный ученый-востоковед, столкнувшись с неудобствами при работе с «шариатским» изданием, проявил себя как типичный представитель западной научной традиции и пронумеровал аяты и суры собственноручно.

Сравнивая «Мифтах ал-Кур'ан» с восточной корановедческой традицией, можно утверждать следующее: труд К. Насыри представляет собой отдельную и совершенно уникальную страницу также и в истории мусульманских наук о Коране. К. Насыри применил такие методики работы с Писанием, которые были совершенно не знакомы мусульманским ученым. И это при том, что на мусульманском Востоке существовал комплекс коранических наук с многовековой историей, представленный коранической экзегетикой (*тафсир*), правилами рецитации (*кираат*) и орфоэпии Корана (*таджвид*) и др. На этом фоне труд ученого выглядит как нечто абсолютно новое. Как минимум, конкорданс К. Насыри был адресован всем вышеперечисленным специалистам с целью помощи в их работе. А как максимум, труд татарского ученого является образцом разъяснения сути Корана посредством самого Корана, не привлекая для этого внешние инструменты в виде человеческих мнений, убеждений, предположений, домыслов и пр.

Подвижническая деятельность К. Насыри на поприще просветительства, религиозной мысли, реформы образовательной системы и популяризации научных достижений привлекла к себе внимание прогрессивно мыслящей татарской молодежи и интеллектуалов. Таким образом, помимо умственного и духовного пробуждения народных масс творческое наследие К. Насыри сыграло огромную роль в становлении целого поколения ярких мыслителей, писателей и общественных деятелей более позднего времени. Французский исследователь Шантал Лемерсье-Келькеже отмечала, что плеяда татарских писателей начала XX в., таких как Габдулла Тукай, Маджид Гафури, Шаехзаде Бабич, Гаяз Исхаки, Галимджан Ибрагимов никогда бы не обрела свой блеск без предварительной работы ученого [17, с. 130].

Наследие К. Насыри продолжает оставаться востребованным, оно активно изучается научным сообществом и играет большую роль в культурной жизни. Создаются и действуют научно-исследовательские институты, культурные центры имени К. Насыри. Одним из самых активных очагов популяризации наследия выдающегося татарского просветителя является музей-усадьба Каюма Насыри в Казани, воссозданная на месте дома, в котором ученый прожил последние 15 лет и где были написаны многие его труды.

Список источников

1. Кемпер М. Суфии и Ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством / пер. с нем. яз. Казань : Рос. ислам. ун-т, 2008. 655 с.

2. Зенковски С.А. Пантюркизм и Ислам в России. Изд. Гарвард. ун-та, Кембридж, Массачусетс. 1960. 345 с. Англ. яз.

3. Гайнетдин М. Каюм Насыри: личность и творчество // Насыри К. Избр. произведения : в 4 т. Т. 1. Казань : Тат. кн. изд-во, 2003. 400 с. Тат. яз.

4. Салихов Р.Р. Участь первопроходца (Каюм Насыри) [Электронный ресурс] // Биографии / Татарская культура / Tatarica. URL: <http://tatarica.narod.ru/cult/biographies/science/kayum.htm> (дата обращения: 13.01.2018).

5. Гайнуллин М. Каюм Насыри (Жизнь и творческий путь) / Насыри К. Избр. произведения. Казань : Таткнигоиздат, 1956. 420 с. Тат. яз.

6. Гайнуллин М. Каюм Насыри // Насыри К. Избр. произведения. Пер. с тат. яз. Казань : Тат. кн. изд-во, 1977. 256 с.

7. Залая Л.З. Каюм Насыри (1825–1902) // Насыри К. Избр. произведения. Казань : Татгосиздат, 1945. 203 с. Тат. яз.

8. Григорьев В.В. Предисловие // Насыров Кайюм. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства / отдельно отпечатано из записок «Император. Рос. геогр. о-ва», т. VI. Санкт-Петербург : в тип. В. Безобразова и комп., 1880 г. 31 с.

9. Катанов Н.Ф. Предисловие к труду К. Насырова «Образцы народной литературы казанских татар» // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Императорском Казан. ун-те. 1896. Т. XIII, вып. 5. С. 374–427.

10. Смирнов В.Д. Мусульманские печатные издания в России за 1892–1893 годы // Зап. Вост. отд-ния Рус. археол. о-ва / под ред. В.В. Розена. 1893. Т. VIII. 428 с.

11. Шафигуллина Р.Ф. «Вершина моего иджитхада...» / Насыри К. Мифтах аль-Кур'ан : в 2 т. Т. 2 : Каюм Насыри. Мифтах аль-Кур'ан. Казань, 2015. 452 с.

12. Насыри К. Книга о воспитании // Насыри К. Избр. произведения. Казань : Таткнигоиздат, 1956. 420 с. Тат. яз.

13. Хайрутдинов А.Г. «Мифтах аль-Кур'ан» Каюма Насыри: Первый в мусульманском мире конкорданс Корана // Ислам в современном мире. 2016. № 12 (1). С. 57–76.

14. Мифтах аль-Кур'ан. В 2 т. / сост., транслитерация, пер. предисл. : А.Г. Хайрутдинов ; вступ. ст.: Р.Ф. Шафигуллина. Т. 1. Калям Шариф. Факсимеле казан. изд. Корана 1861 г. Казань, 2015. 576 с. ; Т. 2 : Насыри К. Мифтах аль-Кур'ан. Факсимиле рукописи Каюма Насыри. Казань, 2015. 452 с. Араб., тат., рус. яз.

15. Насыри К. Мифтах аль-Кур'ан. В 2 т. Т. 2 : Насыри К. Мифтах аль-Кур'ан. Казань, 2015. 452 с.

16. Гали М. Рукописное наследие Каюма Насыри / Каюм Насыри. 1825–1945 : материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения. Казань : Татгосиздат, 1948. 146 с. Тат. яз.

17. Лемерсье-Келькеже Ш. Татарский реформатор 19 века: 'Абдуль Кайюм Аль-Насыри // Журн. рус. совет. мира (Cahiers du monde russe et soviétique). Т. 4, № 1–2, январь–июнь 1963. С. 117–142. Фр. яз.

Иллюстрации предоставлены авторами